

МЕДИАДИСКУРСЫ МОНОПОЛИЗМА И КОНКУРЕНЦИИ КОНСТРУИРУЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу влияния медийного и политического дискурсов на конструирование реальности. Приводятся и обсуждаются схемы взаимодействия медиа, интерпретации принципа свободы слова. Рассматриваются типология и генезис политических организованностей; связь медийной политики и политической организованности.

Ключевые слова: медиадискурс, медиа, реальность, политика.

Постмодернистский дизайн цивилизации и общественных отношений привел к тому, что привычный линейный мономир, в котором человечество существовало начиная с осевого времени, приобрел явные черты гипертекста, погрузив в пространство, в различных гиперплоскостях которого по-разному проявляется монополия медиадискурсов и присущая им конкурентность. Тем не менее увеличение степеней свободы в постмодерном обществе не расширяет реальную личностную свободу. Не только «мир систем», но и «жизненный мир»¹ конструируются внешними по отношению к личности инстанциями. В частности, полями медиа и политики. Медиадискурсы и публичные политические дискурсы² фактически доминируют в современном коммуникативном пространстве, задавая соответствующие нормы и стандарты.

В этой связи можно привести свежий пример. Журнал Национальной академии наук Украины «Социология: теория, методы, маркетинг» (2015. № 3) опубликовал материал круглого стола: «Луганск: жаркое лето 2014 года». Его автор кандидат юридических наук А. Лопата приводит ряд выводов, расходящихся с официальной киевской позицией. В частности, определяет «революцию гидности» как государственный переворот, говорит о геноциде и о

применении ВСУ запрещенных международным правом средств ведения войны и т. д. Эта публикация вызвала оживленную «научную дискуссию»³ в социальных сетях и прессе, смыслом которой был призыв к СБУ немедленно «разобраться» не только с автором, но и с журналом и всей его редколлекцией. Тех, кто робко пытался заявить, что ученый имеет полное право на собственную научную позицию, также предлагалось свести в участок. Чуть раньше отличились украинские журналисты, «стучавшие» в прямом эфире на своих российских коллег, но то, что подобное произошло в рафинированной научной среде, вызывает еще большее удивление.

Что же случилось? Каким образом научный дискурс приобрел черты скандального события и откровенного доноса? Можно предположить только, что сложившиеся на Украине медийное и политическое поля приобрели качества тотального дискурса, по крайней мере так, как его понимал М. Фуко.

С тезисом конструируемости реальности связано понятие «медиированной» реальности. Суть его в том, что реальность на самом деле есть интеграл не нашего личного осмысления происходящих событий и личного опыта, а интерпретаций, предлагаемых множественными информационно-коммуникативными практиками, которые можно обозначить общим понятием «медиа».

По мнению Ю. Хабермаса, реальность выстраивается в результате интерпретационных усилий индивида с целью выявления смыслов сообщений-коммуникаций, что в совокупности и составляет «жизненный мир». Таким образом, реальность предстает как пространство интерпретаций. Ю. Хабермас определяет понятия культуры, общества и личности следующим образом: «Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего-либо в мире, черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию, т. е. позволяющие ему принимать участие в достижениях понимания и тем самым позволяющие ему утверждать свою идентичность»⁴.

В социопсихологическом плане подобное конструкционистское отношение к реальности приобрело название социального конструкционизма. Автором термина считается К. Джерджен. В социальном конструкционизме постулируется коммуникативная природа знания, что «означает рассмотрение знания как побочного продукта не индивидуальных сознаний, а коммунальных

отношений <...> все значащие пропозиции, касающиеся реально-го и правильного, имеют своим истоком отношения»⁵. Знание при таком подходе лишается и эмпирических и внеэмпирических содержаний, а становится предметом конструирования в границах информационно-коммуникативных практик, и прежде всего СМИ, которые начинают претендовать на место, ранее занимаемое социальными институтами науки и образования. Релятивистская природа медиа активно противостоит нормативной природе образования и науки. Идея социального конструкционизма в конструируемости именно реальности, как социальной, так и индивидуальной и ее формообразующих свойств – системы связей и отношений, иерархии ценностей, правил вывода, презентационных форматов и т. п. Содержание реальности – побочный продукт конструирования ее формы. В этом плане можно говорить о дизайне как базовой технологии работы с реальностями.

Вот поэтому можно утверждать, что современность характеризуется гипертрофированным влиянием медиа, то есть расширяющейся системой массовых коммуникаций, информационно-коммуникативного взрыва, с присущими ему хаотичностью и избыточностью. Даже собственная личностная онтология превращается в медиапродукт и медиаконструкцию.

Одной из важнейших функций средств массовой информации является обслуживание канала обратной связи между обществом и властью. Обратная связь бывает отрицательной и положительной. Отрицательная обратная связь приводит к стабилизации системы, положительная ее разбалансирует. И то и другое может иметь как позитивные, так и негативные социальные последствия. Например, информация, которая несет «лакирующий» характер, может привести к тому, что власть и общество окажутся не в состоянии вовремя отреагировать на негативные тенденции, что заканчивается катастрофическим сломом системы. С другой стороны, информация, обеспечивающая положительную обратную связь, действует в качестве социального усилителя, однако невозможно заранее предсказать, приведет ли это воздействие к развитию системы или к ее уничтожению.

В самом простом случае можно рассматривать треугольник связей между тремя агентами: властью, обществом и медиа. Эти связи могут иметь в различной ситуации как отрицательный, так и положительный знак. В разные эпохи и в разных странах будут доминировать свойственные этим эпохам и странам информационные связи, исследование которых может стать предметом отдельной науки: информационно-коммуникативной археологии, по аналогии с археологией знания М. Фуко⁶.

Кроме того, имеет место присутствие управляющих воздействий на сами эти связи. В первом приближении будем считать, что они действуют по принципу рубильника, прерывая или открывая соответствующий информационный канал. Впрочем, такой известный прием, как зашумление («забалтывание») острой актуальной темы или, наоборот, вывод какого-то замалчиваемого факта в повестку дня, также можно рассматривать как своеобразный прерыватель. Например, власть может претендовать на право прерывания информационной связи СМИ с обществом, блокируя ту или иную информацию или просто закрывая или открывая соответствующие информационные ресурсы. Аналогично может действовать общество, требуя от власти большей или меньшей согласованности медиа и власти, а СМИ претендовать на контроль дискурса власти, то есть диалога власти и общества. Сказанное иллюстрирует рис. 1, где разнонаправленными стрелками подчеркивается наличие обратной связи, а пунктирными – средства контроля над ними.

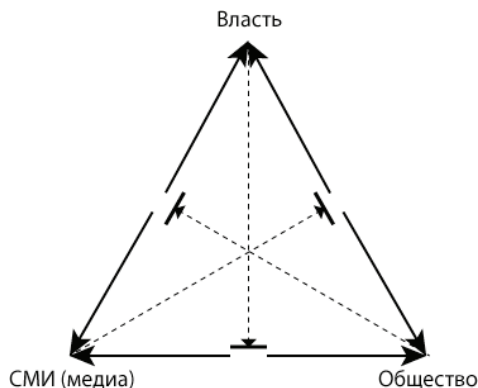

Рис. 1. Информационно-управляющее взаимодействие власти, общества и медиа

Чтобы агенты взаимодействия (власть, СМИ, общество) действительно включались в этот процесс, они должны обладать субъектностью, что далеко не всегда реализуется. Отсутствие субъектности сигнализирует о дисфункциональности общественных отношений и невозможности ее преодоления ни властью, ни обществом, ни медиа. В этом случае происходит выбывание агента, разбалансирование системы и потеря управляемости.

В этом заключается информационно-коммуникативное объяснение социальных потрясений. Здесь перестает работать известная формула «Верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому»⁷. Ю. Хабермас в своей работе «Теория коммуникативного действия»⁸ разработал концепцию общественного согласия или рационального консенсуса. Хабермас актуализировал проблему возрастающей роли коммуникативности в современном мире, за которую как раз и несет ответственность медиа. Он противопоставил инструментальное действие (и соответственно инструментальную рациональность)⁹, ориентированное на успех субъекта деятельности в реальности обменных отношений, и коммуникативное действие, ориентированное на достижения согласия через понимание, т. е. консенсус.

Пространство интерпретаций оказывается полностью вписанным в треугольник – власть, общество, медиа, причем становится возможным рассматривать выделенных нами агентов – источников информационно-коммуникативного действия – в качестве базовых векторов (факторов) пространства интерпретаций. Получается, что общественный консенсус – это согласие и согласность, а точнее, «совместность слова»¹⁰, т. е. совместность информационно-коммуникативных взаимоотношений между агентами. Она может наступить, только если существует взаимопонимание, подразумевающее уже синергию интерпретационных и рефлексивных механизмов обработки циркулирующей в системе информации.

В этой связи полезно рассмотреть, что такое понятие «свобода слова» в широком контексте. Приведем разработанную ранее¹¹ модель информационной политики, обозначенную как «Принцип свободы слова».

Проблема «свободы слова» в медиированной реальности тесно связана с широким спектром общественных, политических, экономических, антропологических и даже технологических проблем, но тем не менее поддается схематизации посредством выделения следующих четырех компонентов и связей между ними:

- свобода говорить, соотносясь со своим мнением и своей совестью {ХОЧУ ГОВОРИТЬ};
- свобода слушать, т. е. получать информацию, право знать {ХОЧУ УЗНАТЬ};
- напротив, право не слушать говорящего, защищаться от деструктивной (токсичной) и просто лишней информации {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ};
- право не отвечать на вопросы любопытных, право на конфиденциальность {НЕ СКАЖУ}.

Если первые два аспекта широко обсуждаются, то третий и четвертый – редко становятся темой профессионального дискурса, несмотря на то что формулировка понятия «свобода слова» в отрицательном виде (защита от информации и защита информации) – не менее важна для понимания ее сущности и применения этого принципа на практике. Все четыре компонента находятся в конкурентных отношениях друг с другом. Свобода журналистики как пространство возможностей возникает там, где достигается консенсус между ними. Право говорения должно учитывать право не слушания, а право получения информации – право ее сокрытия. Объем зоны пересечения этих прав и есть область свободы журналиста. Там, где консенсус не возникает, становится невозможной и журналистика.

Схема отражает взаимодействие двух фундаментальных человеческих потребностей:

- потребность участия в обменном информационном процессе (получение информации и трансляция информации);
- потребность в самосохранении (сохранение самости, защита от привходящего информационного потока, сохранение приватности от попыток обобществления внутренней информационной структуры).

На схеме эти позиции обозначены через интенциональные модусы: {ХОЧУ ГОВОРИТЬ}, {ХОЧУ УЗНАТЬ}, {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ}, {НЕ СКАЖУ}.

Важно отметить, что характер возникающих между ними связей различен. Можно выделить группу радиальных и контурных связей. Причем если контурные связи описывают непосредственное взаимодействие, то радиальные – опосредованное. Контурные связи, в свою очередь, могут быть разделены на две группы, по типу обратной связи (положительной и отрицательной), возникающей между ними.

Пары {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} и {ХОЧУ УЗНАТЬ} – {НЕ СКАЖУ} характеризуются отрицательной обратной связью. Это означает, что они находятся в конкурентном отношении, претендуя на одну и ту же территорию. Усиление одной стороны отношения вызывает ответную реакцию другой стороны. Это означает, что данные отношения создают условия для удержания равновесности всей системы.

Действительно, интенция сообщения вынуждена преодолевать сопротивление интенции блокирования сообщения, и наоборот, что приводит одновременно к техническому совершенствованию способов сообщения и способов блокирования сообщений.

Принцип свободы слова

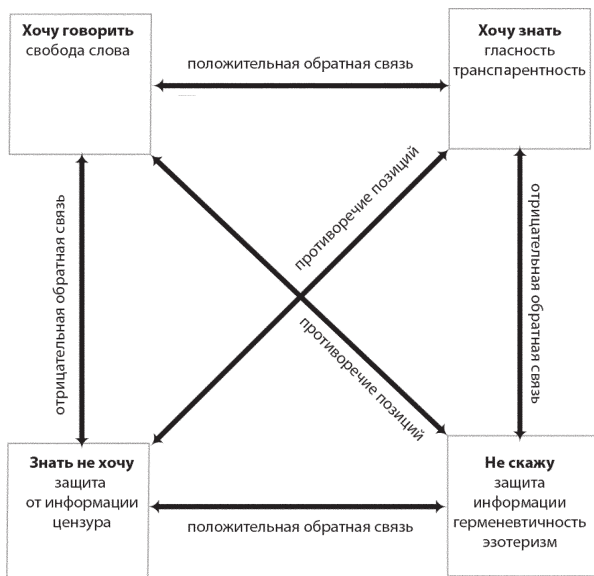

Рис. 2. Схема взаимодействия компонентов «принципа свободы слова»

Две другие пары отношений {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {ХОЧУ УЗНАТЬ} и {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} – {НЕ СКАЖУ}, напротив, характеризуются положительной обратной связью. Усиление одной стороны приводит к усилению другой, поскольку они находятся в состоянии энергетической подпитки. Интенция сообщения подпитывает интенцию познания, и наоборот. Поэтому понятия «свобода прессы» и «гласность» находятся в неразрывной связке, а достижение и того и другого осуществляется в одном и том же социально-политическом контексте.

По свойству положительной обратной связи усиление позиций по данным осям может привести к информационному коллапсу, зашумлению информации. Аналогично автономное усиление пары {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} – {НЕ СКАЖУ} чревато герметизацией общественной жизни.

Таким образом, устойчивость системы СМИ как социального института будет возрастать, если уделять внимание сбалансированному развитию оси «свобода слова – защита информации»

и/или «гласность – защита от информации». Напротив, дисбаланс системы и в конечном счете ее разрушение наступят, если актуализируется развитие только либеральной (свобода слова, гласность) или только охранительной осей.

Ясно, что на практике представленная модель не является вполне сбалансированной. В реальности наблюдается асимметричность, связанная уже с политической организацией общества. Поэтому имеет смысл соотнести «принцип свободы слова» со схемой политических организованностей¹².

Если рассматривать политику в целом как регуляцию совместности различных социальных групп, то возникает необходимость различения субъектов этой регуляции, политических акторов. Причем под термином «регуляция» подразумевается не столько управление, сколько воздействие как в направлении структурирования совместности, так и в прямо противоположном – разрушения устоявшихся форм общественных отношений и коммуникаций. Речь идет о воздействии, результатом которого становятся изменения в системе социальных коммуникаций. Ясно, что структура, свойственная политическому актору, будет стремиться разворачиваться во внешнюю социальную среду. Политическое действие, таким образом, – это не что иное, как трансляция системных свойств актора в социум и насаждение в нем родственных себе моральных и нравственных норм, ценностей, эпистем.

Будем различать политических акторов, а точнее, их структурные свойства с помощью конструкторов: вертикальные – горизонтальные¹³ и открытые – закрытые.

Вертикальная структура подразумевает пирамидальную иерархическую форму организации, или жесткую связь социальной свободы от положения в системе (социальных статусов), горизонтальная эту связь нивелирует. Закрытая система предполагает наличие критериев «свой – чужой», т. е. ограниченность доступа к социальным лифтам и монополизацию надделения социальными статусами и ролями, а открытая, напротив, снимает эти ограничения, формируя пространства свободной конкуренции.

Закрытые вертикальные политические акторы появились в момент формирования политической власти в патриархальном обществе. Классическим примером могут служить наследственные монархии и сословная стратификация.

Почти одновременно внутри системы власти возникли закрытые горизонтальные структуры: тайные общества, цеховые союзы, масонские общества, рыцарские ордена, религиозные секты, магические школы. Этим organizedностям был свойствен эзотеризм,

который, собственно, и позволял их адептам буквально пронизывать систему управления государствами.

Монополия на власть оказалась полем конкурентной борьбы между закрытыми вертикальными и горизонтальными системами. Можно даже сказать, что шла постоянная борьба систем с антисистемами, которая в конечном итоге привела к появлению закрытых вертикальных систем, напоминающих современные демократии. Развитие демократических институтов привело к спонтанному рождению новых управляющих иерархий со свойством обратной связи и допускающих множественность социальных лифтов, что, конечно, открывало больше возможностей для действия закрытым горизонтальным структурам.

Явлением XXI века можно считать актуализацию в качестве политической силы открытых горизонтальных структур, т. е. социальных сетей, сгенерированных современными коммуникативными технологиями. Сказанное поясняет рис. 3.

Если наложить эту схему на «принцип свободы слова» (рис. 2), то получим схему, изображенную на рис. 4.

Рис. 3. Типология и генезис политических организованностей

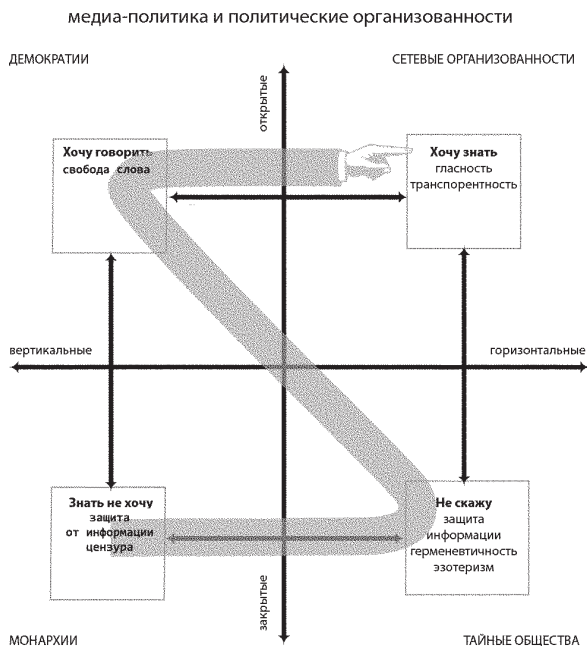

Рис. 4. Связь между политической организованностью и компонентами «Принципа свободы слова»

Отсюда следует, что информационная политика в различных системах будет ориентироваться на доминирование одной из базовых стратегий.

В авторитарном обществе главной задачей является защита от информации (охранительная стратегия).

Одновременно антисистемы (закрытые – горизонтальные) стремятся обеспечивать герменевтичность информационных потоков.

Демократические общества, напротив, ориентированы прежде всего на доминирование полной свободы самовыражения.

И наконец, для сетевых (открытых, горизонтальных) главным принципом является прозрачность, транспарентность информационных потоков.

Если выяснить, какие именно информационные стратегии доминируют в обществе, то можно определить и тип политической организованности. Приведенный выше пример с Украиной, характеризующийся неприятием иномыслия и герметизацией информационных

потоков (НЕ СКАЖУ), говорит о доминировании авторитарной, но в большей степени закрытой-горизонтальной политической организованности (антисистемы). Вместе с тем в глобальном плане наблюдается постепенная актуализация сетевой политической организованности, несмотря на то, что другие типы структур оказывают и будут оказывать этому процессу активное сопротивление.

Примечания

- ¹ Понятия «мир систем» и «жизненный мир» ввел в научный оборот Ю. Хабермас.
- ² Антонова И.Б. Президентская и политическая риторика как средство моделирования реальности: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. 2013. № 1 (102). Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 144–155.
- ³ Кононов И. «Луганск: жаркое лето 2014 года». Поплатится ли академический журнал за полемическую публикацию? // Информационное агентство «ОстроВ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ostro.org/lugansk/politics/articles/483128/> (дата обращения: 18.11.2015).
- ⁴ Современная западная теоретическая социология: Реф. сборник. Вып. 1. Ю. Хабермас. М.: ИНИОН, 1992. С. 209.
- ⁵ Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Альманах № 4. Серия «Университет в перспективе развития». М.: Технопринт, 2000. С. 74.
- ⁶ См.: Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / Общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996.
- ⁷ Эта формула была предложена В.И. Лениным в работе «Маевка революционного пролетариата» (1913 г.). Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин – революционер, мыслитель, человек [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/works/61-tom-23/2386-maevka-revolucionnogo-proletariata.html> (дата обращения: 18.11.2015).
- ⁸ См.: Habermas J. Theorie des Kommunikative Handeln. Frankfurt a/M., 1981.
- ⁹ Это понятие было введено М. Вебером.
- ¹⁰ См.: Современные коммуникативные науки: Социальные практики как совместность слова / Отв. ред. А.П. Логунов. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- ¹¹ Калмыков А.А. Политический потенциал принципа свободы слова // Вестник РГГУ. 2009. № 1. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 9–20.
- ¹² Калмыков А.А. Четвертая политическая сила // Там же. 2012. № 1 (81). Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 21–29.
- ¹³ Из последних работ на русском языке, вскрывающих сущность вертикальных и горизонтальных связей в политических структурах, отметим: Дюверже М. Политические партии: пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000.